

DOI: <https://doi.org/10.59849/2957-3882.2023.2.28>

УДК: 821.411.21

**ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ  
АРАБОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ В X-XI ВВ.  
(НА ОСНОВЕ АНТОЛОГИИ «ЙАТИМАТ АД-ДАХР»)**

**Ламия ГУСЕЙНОВА\***

*Ключевые слова: поэтическая фигура, стихи, поэт, байт, слово*

**РЕЗЮМЕ**

Известно, что теория о поэтических тропах и фигурах впервые была разработана знаменитым поэтом и литератором, однодневным халифом Ибн ал-Му‘таззом (861-908). Его сочинение «Китаб ал-бади‘» («Книга о новом» или «Книга о поэтических тропах») – первый оригинальный трактат по поэтике. Ибн ал-Му‘тазз сам подтверждает, что «новый стиль» вовсе не был изобретён новыми поэтами VIII-IX вв. Примеры этого стиля встречаются в стихах поэтов периода джахилийи, а также в Коране и хадисах. В стихах, рассматриваемых нами арабоязычных поэтов, включённых в «Йатимат ад-дахр», встречается немало поэтических тропов и фигур. Из них метафора, ташбих, ифрат фи-сифа, таджнис, иштикак, радд ал-‘аджуз ‘ала-л-садр, талмих и мутабака.

**Введение**

Поэты конца X-начало XI вв. представленные в антологии «Йатимат ад-дахр» были последовательными сторонниками арабского классицизма, творчество которых сформировалось под воздействием доисламской поэзии в органическом сочетании с новым поэтическим стилем, со всем его богатством приёмов и фигур. «Новые» поэты украшали свои стихи сложными поэтическими фигурами, что придавало стиху напыщенность и вычурность. Наряду с этим, поэты, виртуозно владея техникой стихосложения, умело подбирали поэтические размеры в соответствии с содержанием стиха.

Известно, что теория о поэтических тропах и фигурах впервые была разработана знаменитым поэтом и литератором, однодневным халифом Ибн ал-Му‘таззом (861-908). Его сочинение «Китаб ал-бади‘» («Книга о новом» или «Книга о поэтических тропах») – первый оригинальный трактат по поэтике. Ибн ал-Му‘тазз сам подтверждает, что «новый стиль» вовсе не был изобретён новыми поэтами VIII-IX вв. Примеры этого стиля встречаются в стихах поэтов периода джахилийи, а также в Коране и хадисах. Вначале автором «Китаб ал-бади‘» было установлено пять основных фигур «нового стиля», однако Ибн ал-Му‘тазз счёл необходимым добавить к своей книге вторую часть, в которой он проанализировал двенадцать средств художественного выражения, назвав их «махасин аш-ши‘р» («красоты поэзии») (3, с. 200). Тринадцатая категория была добавлена последующими теоретиками и получила название – лузум ма ла йалзам или и‘нат («обязательность того, что необязательно»).

**Поэтические фигуры**

В стихах, рассматриваемых нами арабоязычных поэтов, включённых в «Йатимат ад-дахр», встречается немало поэтических тропов и фигур.

\**Filologiya üzrə fəlsəfə doktoru, AMEA akad. Z.M.Bünyadov adına Şərqişünaslıq İnstitutu.  
E-mail:lamiahuseynova77@gmail.com*

Одним из основных пяти поэтических фигур «нового стиля» в классификации Ибн ал-Му‘тазза занимает исти‘ара («заимствование»). Как обычно исти‘ара передаётся термином метафора. Однако это слово по значению не соответствует арабскому исти‘ара, за исключением, если только этот термин понимается в аристотелевском смысле, включая синекдоху и метонимию (4, с. 126). Рассмотрим конкретные примеры. Так, азербайджанский поэт Абу Абдаллах ал-Марагаи с большим профессионализмом используя метафору, персонифицирует драгоценный металл – золото. Он также образно описывает процесс плавки золота в первом бейте. Известно, что, когда золото плавят при высокой температуре, он окрашивается в чёрный цвет:

يَفْوَفُ طَوْرًا بِالنَّضَارِ وَيَطْلِسُ أَجَابَ بِمَا أَعْيَا الْوَرَى وَهُوَ أَخْرَسُ	وَمَشْتَمَلٌ مِنْ صَبِغَةِ اللَّيْلِ بَرْدَةً إِذَا سَأَلُوهُ عَنْ عَوِيصٍ وَمَشْكَلٍ
--	--

(10, с. 481)

*[Золото], укутавшись в плащ цвета ночи,  
Постепенно переходит из одной окраски в другую,  
И когда у него спрашивают, в чём трудность,  
А он затрудняется ответить, то предпочитает молчать.*

Другой азербайджанский поэт Баракавейх Занджани с помощью метафорического способа выражения уподобляет земной шар с его радостями столу, полному яствами:

فَإِنَّ لَدَيْنَا مِنْ صَنُوفِ الْأَطْيَابِ وَمِنْ طَيِّبَاتِ الرِّزْقِ قَدْرٌ لَطَّالِبِ وَخَطَّابِيهَا يَأْتُونَ مِنْ كُلِّ جَانِبِ فَحَيِّ عَلَيْهَا الْآنَ يَا خَيْرَ صَاحِبِ	هَلَمْ إِلَيْنَا يَا أَخَا الْفَضْلِ وَالْحَجِي أَطْيَابِ لَهْوٍ مِنْ سُرُورٍ وَلَذَّةٍ مَطْيَبِيَّةٍ بِكَرِّ بَخَاتِمِ نَارِهَا وَ أَنْتَ لَهَا أَوْلَاهُمْ بِإِفْتِضَاضِهَا
--	--

(10, с. 472)

*О, обладатели ума и достоинства, торопитесь к нам!  
Поистине у нас (на нашем столе) [различные] сорта вкуснейших блюд,  
Это – наилучшие, [замешанные] на радости и наслаждения,  
И достаточные для [всех] желающих самые вкусные яства.  
Наивкуснейшее блюдо, окутанное ароматом,  
Манит к себе со всех сторон.  
Будь же из числа первых, кто отведаёт его вкус,  
Спешите к нему (столу) сейчас же, о благородные люди!*

В нижеследующем отрывке поэт посредством метафоры одухотворяет и олицетворяет красоту своей возлюбленной, то есть, вспоминает свою возлюбленную и, сравнивая прежнее и нынешнее её состояние, впадает в уныние:

فَمَا وَرَيْتَ لَهُ عِنْدِي زَنَادَ	تَعَرَّضَ لِي وَمَرَّضَ مَقَلَّتِيهِ
-------------------------------------	--------------------------------------

(10, с. 471)

*[Былая красота] оглянулась мне,  
[Однако] её глаза вызвали у меня болезнь и гнев.  
[И это] причинило мне страдание и боль.*

Присутствие метафоры наблюдается также в бейте, где поэт сетует по поводу разлуки с возлюбленной:

وَشَابَ الرَّأْسَ وَاسْوَدَّ الْفَوَادَ	بَلِيَّتٍ وَذَكَرَهَا عِنْدِي جَدِيدَ
---	---------------------------------------

(10, с. 471)

*Я изнурён, но воспоминания о ней для меня [всегда] свежи,*

*Голова поседела, а душа почернела.*

В стихотворении Абу Саида Али бин Мухаммада бин Халава ал-Хамадани, благодаря метафоре любовь ассоциируется с огнём:

زاد غرامي لهبا                      فطر غمام سكباً  
(10, с. 477)

*Моя возрастающая любовь [к тебе] пылает [огнём],  
[Мои пролитые слёзы подобны] проливному дождю.*

Поэт Абу-л-Касим Амр бин Абдаллах ал-Харанди умело используя метафору при описании вина, передает её эпитетом «преданный друг»:

و هي للأرواح في                      أبداننا نعم الصديق  
(10, с. 480)

*Оно (вино), как преданный друг в нашем теле  
Живёт в благоденствии с [нашим] духом.*

В другом стихотворении благодаря также метафоре поэт придаёт экспрессивность следующим строкам:

إن تقصني أمسيت مضغة ضيغم                      أو تدنني أصبحت ذاك الضيغما  
(10, с. 480)

*Если ты отдалишь меня [от себя], я стану кормом для хищников,  
А если ты приблизишь меня, то [я сам] стану хищником.*

Неожиданной метафорой удивляет поэт Шамсавейх ал-Басри, которому путём метафоризации удаётся условное и абстрактное представить наглядным образом:

قلت للقلب ما دهاك: أجيني                      قال لي: بائع الفراني فراني  
(10, с. 483)

*Я спросил у сердца, что с тобой? Ответь мне!  
Оно сказало мне: продавец сладостями ранил меня.*

В этом отрывке поэт Абу Абдаллах ар-Рузбари присущее людям свойство переносит на явление природы, и тем самым создаёт яркую метафору:

أما ترى الأرض قد شابت مفارقها                      بما نثرن عليها و هي لم تثب  
(10, с. 484)

*Разве ты не видишь, что земля уже поседела,  
[А если мы] загребем снег, [то увидим], что она не поседела.*

В качестве основного образного средства художественной выразительности следует назвать – ташбих, или как её именует Ибн ал-Му‘таз хусн ат-ташбих («красивое сравнение»). В ней сравниваются два разнородных объекта или их свойства согласно какому-нибудь существующему между ними сходству (1, с. 220).

Образ солнца, полной луны и цветущего сада, в классической арабской поэзии, часто встречаются в описаниях красавицы, с чем поэты сравнивали лик возлюбленной. По этому поводу интересны бейты Абу-л-Хусейна Ахмада бин Фариса бин Закарийа ал-Мугим:

بدر مليح القوام معتدل                      قفاه وجهه و وجهه ربح

(10, с. 469)

*Она стройна и прекрасна, [светиться как] полная луна,  
[Этот] образ преследует [меня везде, это и есть] моя награда.*

А также строки Абу Абдаллаха ал-Батхави:

وجهك الزاهر لي                      رو ض وريك نسيمي

(10, с. 482)

*Твоё прекрасное лицо, [подобно] цветущему саду для меня,  
Твой аромат, [как] дуновение ветерка.*

Встречаются также образы из неживой природы: сердце возлюбленной по традиции сравнивается со скалой, мрамором, камнем, что наблюдается в стихотворении Абу Али ал-Хасана бин Мухаммада ад-Дубай‘и. Только в данных бейтах мы сталкиваемся с «обратным сравнением», т. е. железная печь с дымовой трубой сравнивается с возлюбленной:

و منحوتة من جنس قلبك قسوة                      برزت بها في مثل قدك لنا  
حوت جمرة في لون خدك حمرة                      و في حرّ أحشائي هوى و حنيننا  
يذكرني ما فاح من عرف نذها شهورا                      مضت في وصلنا و سنينا

(10, с. 473)

*[Это] изваяние подобно твоей жестокой душе,  
[А то, что] выступает из него, подобно твоему гибкому стану,  
Пылающие угли [в нём] напоминают цвет твоих румяных щёк,  
А жар, исходящий от них напоминает страсть, которую испытываю к тебе я,  
Аромат, распространяющийся [повсюду из него], напоминает мне  
Месяцы и года, проведённые с тобой вместе.*

Образы животных также традиционны. Красавицы и красавцы сравниваются с газелью, силачи же сравниваются со львом. Поэт ад-Дубай‘и по красоте сравнивает своего героя с газелью, а по силе – со львом:

أ ضيغم أم غزال ذاك أم بشر                      شمس تزيت بزّي التّرك أم قمر

(10, с. 474)

*Лев\* ли он, газель ли он или человек,  
Солнце ли оно в одеяние турка или луна.*

Традиционный мотив «влюблённые постоянно проливают слёзы», мы встречаем в разных вариациях. Искусство поэта заключалось и в том, чтобы выбрав эти канонические ма‘ани, при использовании стилистических приёмов, облечь их в разнообразные словесные облачения. Рассмотрим их на примерах.

Поэт ал-Кади Абу Бакр ал-Аси, используя ташбих усиливает эффект сравнения, подчёркивая его выражением «пролитые слёзы оставили на щеках глубокие следы»:

يا غزالا هو للحسن                      مقّر و محطّ  
لم تكن أنت بهذا                      الحسن و البهجة قطّ  
مذ بدا في عاج                      خديك من العنبر خطّ

(10, с. 481)

*О газель, ты олицетворение красоты,*

\* ضيغم – так, арабы называют льва с широко раскрытой пастью, т.е. в тот момент, когда он рычит.

*И эта красота с тобою не вечна,  
[Так как] пролитые тобою слёзы с ароматом  
Амбры оставили на твоих щеках глубокие следы.*

Поэт Абу Али ал-Хусейн бин Аби-л-Касим ал-Кашани, заимствуя этот мотив, придаёт ему необыкновенный лиризм и утончённость. В первом бейте слёзы уподобляются звёздам. Второй же бейт отделан более изящно, что усиливает ма'на этих строк. Слёзы, текущие по щекам, словно побивают камнями дьявола, который сидит на его щеках:

تحكي سماء و الدّمع أنجمها      عينيّ مذ شطّأت الدّيار بكم  
تسترق السّمع و هي ترجمها      كأنّ في وجنتي أبالسّة

(10, с. 478)

*С тех пор, как любимая покинула меня,  
Слёзы, подобно звёздам на небе, появились на моих глазах.  
Как-будто на моих щеках сидит [сам] дьявол,  
[А слёзы мои], крадётся, подслушивают и побивают камнями дьявола.*

У поэта Абу Саида Али бин Мухаммада бин Халава ал-Хамадани слёзы уподобляются надзирателю:

كما تعوق الرّقبا      فعاقني عن قصدكم

(10, с. 477)

*[Эти слёзы, подобно] надзирателю,  
Намеренно препятствуют мне [соединиться с тобой].*

Поэт Абу Абдаллах ал-Марагаи, обладающий богатой фантазией и оригинальностью мыслей, проявил безукоризненный вкус в создании ташбиха при описании воина в доспехах:

ترى رأسه في بسطة الباع مائلا      و مرتفع للناظرين محارب  
يشقّ عن الأذيال منه الغلائلا      حكى ثملا أصغى إلى البين فاعتدى

(10, с. 481)

*Перед [глазами] наблюдателей возвышается воин,  
Между рук [чётко] видна его голова, слегка наклонившаяся на бок.  
Он, будто пьяный, прислушивается к чему-то,  
И, разорвав подол панциря, [выступил вперёд].*

У поэта Абу-л-Касима Амра бин Абдаллаха ал-Харанди в соответствии со средневековой эстетикой описание вина также носит узаконенный каноном характер. Вино рисуется при помощи стереотипных клише, т. е. цветом своим оно, то напоминает алый цветок, то драгоценный камень, или же «искрится, как огонь»:

منها شعاع و بريق      قلت لما لاح لي  
أم رحيق أم حريق؟      أشقيق أم عقيق

(10, с. 480)

*Когда, [в бокале, наполненном вином], я увидел,  
Как оно сверкает блеском, я сказал:  
Анемон ли [это], или сердолик,  
Вино ли [это], или [же] огонь.*

Поэт Абу Абдаллах ар-Рузбари, пристально вглядываясь в природу, воспекает её в образах, создавая живые и яркие поэтические картины:

فاشرب على منظر مستحسن عجب  
فجد لنا بالتي في اللون كالذهب

نثار غيث حكي لون الجمان لنا  
جاد الغمام بدمع كاللجين جرى

(10, с. 484)

*[Покрывающий землю] снег [своей белизной] напоминает ал-Джуман\*,  
[Так] выпей [же] за [это] удивительное и прекрасное зрелище.  
[Из] туч щедро льются слёзы цвета серебра,  
О тучи, смилуйтесь и [теперь пошлите] нам дождь золотистого цвета.*

В поэзии арабоязычных поэтов широко применялось изобразительное средство – ифрат фи-с-сифа («чрезмерность в описании»). Эту фигуру с полным основанием можно назвать гиперболой. Для того чтобы придать экспрессивность и глубокий смысл художественному слову, поэты в описаниях какого-то события, характера или качества достигали крайних пределов (7, с. 87).

Поэт Абу Али ал-Хусейн бин Аби-л-Касим ал-Кашани, используя гиперболу как выразительное средство, описывает свои мучения и любовные страдания, которые он претерпел во имя любви:

نحول خلال بل نحول هلال  
متون جمال بل متون جبال

أليس عجباً أنّ جمسي ناكل  
و أحمل ثقلاً في الهوى لا ثقله

(10, с. 478)

*Не удивительно, что моё тело [так] истощено,  
[И оно подобно] трещине, а скорее полумесяцу,  
Я влюблён, [и потому] ношу эту тяжесть [и это] самое малое,  
[Однако], эту ношу не в силах нести не только верблюды, но и гора.*

А поэт Абу Саид Али бин Мухаммад бин Халав ал-Хамадани говорит, что даже гора не сможет вынести те муки и страдания, которые ему приходится вытерпеть во имя любви:

و إن كان من أدناه يذبل يذبل

و إني على ما كان منك لصابر

(10, с. 477)

*Поистине, я слишком терпелив с тобой,  
Даже гора Язабуль\* не вынесет малейшее [из того, что ты мне причинила].*

В нижеследующем отрывке поэт Абу-л-Хусейн Али бин ал-Хусейн ал-Хусни ал-Хамадани мастерски используя гиперболу, описывает замок своим величием и красотой превосходящий звёзды:

كعلوّ صاحبها على الأملاك  
بنيت قواعدها على الأفلاك

دار علت دار الملوك بهمة  
فكأنها من حسناتها و بهائها

(10, с. 476)

*Это – самый высокий замок из всех замков,  
Его высота напоминает славу его владельца.  
Своей красотой, своим сиянием  
Этот замок находится выше самих звёзд.*

\* Ал-Джуман – вид драгоценного камня наподобие белого агата.

\* Гора Язабуль расположена на Аравийском полуострове, в окрестностях Мекки, а конкретнее в окрестностях Неджда и Хиджаза.

Второе место среди основных поэтических фигур в трактате Ибн ал-Му‘тазза занимает таджнис или джинас («сроднение»), употребление слов одинаковых по форме, разных по значению (5, с. 88-89). В европейской поэтике это совпадает с паронимазией. К примеру, можно привести бейт поэта Шамсавейха ал-Басри:

قلت للقلب ما دهاك: أجنبي  
 ناظره فيما جنى ناظره  
 قال لي: بائع الفراني فراني  
 أو دعاني أمت بما أو دعني

(10, с. 483)

*Я спросил у сердца, что с тобой? Ответь мне!  
 Оно сказало мне: продавец сладостями ранил меня.  
 Он [также] красив, как и сладости, [которыми он торгует],  
 А если он покинет меня, то я не вытерплю эту боль.*

С термином таджнис чередуется другая стилистическая категория – иштикак («образование от одного корня»), игра слов, основанная на созвучии, рождающемся в результате употребления подряд двух или нескольких слов с одинаковым корнем (5, с. 97). Использование поэтами этих фигур производит звуковой эффект и оценивается, как стремление создать аллитерацию в стихах. Например, бейт Абу-л-Хусейна Ахмада бин Фариса бин Закарийа ал-Мугима:

اسمع مقالة ناصح  
 جمع النصيحة و المقه

(10, с. 469)

*Послушай речь мудреца,  
 Его речь полна любви и наставлений.*

Далее бейт Абу Саида Али бин Мухаммада бин Халава ал-Хамадани:

أفي كل يوم من هواك تحامل  
 وما أدعي أنني جليد، و إنما  
 عليّ و منّي كلّ يوم تحمّل  
 هي النفس ما حملتها تتحمّل

(10, с. 477)

*Каждый день я терплю унижения из-за любви к тебе,  
 И каждый день мне приходится терпеть [эти муки].  
 Я не говорю, что я [такой] выносливый,  
 Однако, это моё желание, [как-бы] я не нагружал его, вынесет всё.*

А также бейты Абу Али ал-Хусейна бин Аби-л-Касима ал-Кашани:

أليس عجباً أنّ جمسي ناحل  
 نحول خلال بل نحول هلال

(10, с. 478)

*Не удивительно, что моё тело [так] истощено,  
 [И оно подобно] трещине, а скорее полумесяцу.*

لأشكرنك ما ناحت مطوّقة  
 على الغصون كما طوّقتني منا

(10, с. 478)

*Я благодарен тебе и ношу это бремя на себе,  
 [Покуда] голубь, носящий ожерелье сидит на ветке и причитает.*

Ещё одна поэтическая фигура, широко применяемая в восточной поэтике и определяемая Ибн ал-Му‘таззом как одна из пяти главных фигур, – радд ал-‘аджуз ‘ала-л-садр («возвращение конца к началу») или тасдир («возвращение») (9, с. 75). Надо отметить, что конец бейта

называется – ‘аджуз, а его начало – садр. Применение этой фигуры усиливает эмоциональное воздействие стихов, создавая атмосферу лёгкости и непринуждённости. Рассмотрим их на примерах:

1) Последнее слово в бейте соответствует последнему слову в первом полустишии. К примеру, бейт Абу Абдаллаха ар-Рузбари:

أدهق كؤوسك منها و اسقني طرباً      على الغيوم فقد جاءتك بالطرب

(10, с. 484)

*Ты наполни чашу вином и с радостью преподнеси его мне,  
[Я буду пить вино] под открытым небом, и забуду о своей печали.*

Ещё один пример этому мы находим у поэта Абу-л- Касима Амра бин Абдаллаха ал-Харанди:

إن تقصني أمسيت مضغة ضيغم      أو تدنني أصبحت ذاك الضيغما

(10, с. 480)

*Если ты отдалишь меня [от себя], я стану кормом для хищников,  
А если ты приблизишь меня, то [я сам] стану хищником.*

2) Последнее слово бейта соответствует первому слову первого полустишия. Например, бейт поэта Абу Абдаллаха ал-Батхави:

و سقيم الودّ و العهد      لذي جسم سقيم

(10, с. 482)

*О, неверная в любви и обещании, я болен тобою.*

Поэтическая фигура талмих (указание, намёк), отсутствующая у Ибн ал-Му‘тазза, добавлена следующими теоретиками. В талмихе поэт или писатель намекает на известные рассказы, предания, стихи Корана, хадисы (8, с. 312). Чтобы придать яркость и эмоциональность своим стихам, сделать их более впечатляющими, поэты использовали в своих стихах коранические образы, что наблюдается в бейтах поэта Абу Саида Али бин Мухаммада бин Халава ал-Хамадани:

ما سرّ مولاي نبيّ الهدى      بوحى جبريل و ميكال  
إلا قريبا من سروري بما      رزقت من ودّ ابن ميكال

(10, с. 477)

*[Как] радовался господин пророк откровениям Микаила\* и Джibriила,  
[Такова] и моя радость, которую даровал мне ибн Микаил своей благосклонностью.*

Другой стилистический приём, наиболее почитаемый арабскими стихотворцами, который также считается одной из основных пяти поэтических фигур по определению Ибн ал-Му‘тазза – мутабака («сопоставление противоположностей»). Сюда включено и «противоположение» – мукабала, что в европейской поэтике соответствует термину антитеза (6, с. 171). С помощью этой фигуры эффект контраста в полустишиях достигался сопоставлением словесных пар с взаимно противоположным значением в пределах бейта. Использование антитезы и антонимов, основанных на звуковых и зрительных контрастах украшений, придавало бейтам

\* Поэт называет Микаила и Джibriила ангелами откровения, что звучит немного странно. Возможно, это связано с воображением поэта. В исламе ангелом откровения является Джibriил. Микаил (в пер. с араб: главный) один из четырёх главных ангелов, наиболее приближённых к Аллаху, регулирует и запускает природные процессы. Также приводит в движение облака, планеты. В Коране упомянут в суре «Багара» («Корова») (II, 98).

смысловую законченность и эксцентричность, что высоко оценивалось средневековыми ценителями словесного искусства. Для примера приведём бейт поэта Абу Абдаллаха ал-Батхави:

يا حمامي و حميمي                      و غرامي و غريمي  
(10, с. 482)

*О, мой ангел смерти, моя закадычная подруга,  
О, моя любовь, мой противник!*

Наряду с использованием в художественной системе арабоязычных авторов антитезных смысловых конструкций, мы находим также употребление синонимических сочетаний, то есть, близких по значению слов (2, с. 81). Например, у поэта Баракавейха Занджани:

اقسم زمانك بين الورد و الأس                      و اطلب سرورك بين الكيس و الكاس  
(10, с. 471)

*Проводи свою жизнь среди роз и мирт,  
Ищи радость [там], [где] красота и бокал.*

أطيب لهو من سرور و لذة                      و من طيبات الرزق قدر لطالب  
(10, с. 472)

*Это – наилучшие, [замешанные] на радости и наслаждения,  
И достаточные для [всех] желающих самые вкусные яства.*

تعرّض لي ومرّض مقلّتيه                      فما وريت له عندي زناد  
(10, с. 471)

*[Былая красота] оглянулась мне, [однако] её глаза вызвали у меня болезнь и гнев,  
[И это] причинило мне страдание и боль.*

### Заклучение

Таким образом, знакомство арабов с культурой покорённых народов оказало бесспорное влияние не только на образ жизни, но и на интересы и художественные вкусы завоевателей. Этот процесс трансформации находит своё отражение и в поэзии, который сделал её всё более очевидно ярче, изысканнее и музыкальнее. Но вместе с тем и аджамы, т. е. неарабы, как их называли сами арабы, сумели освоить новую для них арабскую традицию, воспринять ценные элементы арабской поэтики, в частности метр и рифму.

### ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдуллаев И. Поэзия на арабском языке в Средней Азии и Хорасане X-начала XI в., Ташкент, 1984.
2. Азизова. Ф.А. Арабизированные авторы в эволюции арабской классической поэзии. Баку, «Элм», 2009.
3. Каскель В. «Китаб ал-бади'» и её место в арабской поэтике и риторике. Арабская средневековая культура и литература. Сб. статей зарубежных учёных, ГРВЛ, «Наука», Москва, 1978.
4. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения Т. VI, Ибн ал-Му'таз, «Китаб ал-бади'», М. – Л., 1960.
5. Рашид ад-Дин Ватват. Сады волшебства в тонкостях поэзии. Перевод с персид., исследование и комментарий Н.Ю.Чалисовой. Изд-во «Наука», ГРВЛ, Москва, 1985.
6. Cümşüdlü R. Füzulinin ərəbcə poetik irsi. Bakı, 2012.

7. Qulieva M.H. Klassik şərq poetikası. “Yazıçı”, Bakı, 1991.
8. Qulieva M.H. Şərq poetikasının əsas kateqoriyaları. Bakı, 2010.
9. ابن المعتز عبد الله، كتاب البديع، نشر: اغناطيوس كراتشوفسكي، دار الحكمة، دمشق.
10. الثعالبي، ابو منصور عبد الملك بن محمد، يتيمة الدهر في محاسن اهل العصر، الجلد الثالث، الطبعة الأولى، ٥١٤٢٠ - ٢٠٠٠م، دار الكتاب العلمية، بيروت – لبنان.

## XÜLASƏ

Lamiyə HÜSEYNOVA

*X-XI əsrlər ərəbdilli poeziyanın bədii-üslubi xüsusiyyətləri  
 (“Yətimətud-dəhr” antologiyası əsasında)*

*Açar sözlər: poetik fiqur, şeir, şair, beyt, söz*

Məlumdur ki, poetik fiqurlar və məcazlar haqqında nəzəriyyə şair və ədib, birgünlük xəlifə İbn əl-Mutəzz (861-908) tərəfindən işlənib hazırlanmışdır. Onun “Kitab əl-bədi” (“Yenilik haqqında kitab” və ya “Poetik fiqurlar haqqında kitab”) adlı əsəri – poetika haqqında ilk orijinal elmi əsərdir. İbn əl-Mutəzz təsdiq edir ki, “yeni üslub” heç də VIII-IX əsrlərdə yaşamış yeni şairlər tərəfindən yaradılmayıb. Bu üslubda nümunələrə cahiliyyə dövrü şairlərinin şeirlərində, Qurani-Kərimdə və hədislərdə də rast gəlinir. Bizim tədqiqata cəlb etdiyimiz “Yətimətud-dəhr” antologiyasına daxil edilmiş ərəbdilli şairlərin şeirlərində poetik fiqurlar və məcazlar əhəmiyyətli yer tutur. Bu poetik fiqurlardan istiarə, təşbih, ifrat fi-s-sifa, tənçis, iştiaq, raddu-l-əcş alə-s-sadr, təlmih və mutabaqa üstünlük təşkil edir.

## ABSTRACT

Lamiya HUSEYNOVA

*Literary-Stylistic Features of Arabic Poetry in the 10<sup>th</sup>-11<sup>th</sup> Centuries  
(based on the anthology of “Yatimat ad-dahr”)*

*Keywords: poetic figure, poem, poet, bayt, word*

It's known that theory about poetic figures and tropes was developed by one-day caliph Ibn al-Mu'tazz (861–908). His work “Kitab al-badi” (“Book about Novity” or “Book of Poetic Figures”) is the first original treatise in poetics. Ibn al-Mu'tazz confirms that the “new style” was not formed by the new poets of the 8th and 9th centuries. Examples of this style occur in the poems of the poets during the period of Jahiliyyah, in the Koran, and in the hadith tradition. Poetic figures and tropes are considered very important in the poems of the Arabic poets included in the anthology "Yatimat ad-Dahr," which we used in our investigation. Among these poetic figures, allusion, tasbih, extreme fi-s-sifa, tajnis, ishtigag, radd al-ajz ala-s-sadr, talmih, and mutabaga are common.